

Карл Шмитт

Разговор о власти и о доступе к властителю*

*Вы счастливы?
Мы могучи!*

Лорд Байрон

Участники разговора:

М. (молодой человек, задает вопросы)

К. Ш. (отвечает)

Интермеццо (на с. 32) может читаться третьим лицом

М. Прежде чем мы поговорим о власти, я должен спросить Вас кое о чем.

К. Ш. Пожалуйста, господин М.

М. У Вас есть власть или нет?

К. Ш. Хороший вопрос! Кто говорит о власти, тот пусть скажет сначала, в каком положении относительно власти находится он сам.

М. Итак, есть у Вас власть или нет?

К. Ш. У меня нет власти. Я отношусь к тем, кто безвластен.

М. Это подозрительно.

К. Ш. Почему?

М. Потому что тогда Вы, наверное, предубеждены *против* власти. Раздражение, озлобленность, рессентимент – вот обычные источники ошибок.

К. Ш. А если бы я относился к тем, у кого есть власть?

М. Тогда Вы, наверное, были бы расположены *в пользу* власти. Заинтересованность в том, чтобы иметь власть и утверждать свою власть, – тоже источник ошибок.

К. Ш. Кто же тогда вообще вправе говорить о власти?

М. Об этом должны были бы мне сказать *Вы!*

К. Ш. Я бы сказал так: быть может, есть еще одна позиция, позиция бескорыстного наблюдения и описания.

М. Видимо это – роль Третьего человека или свободно парящей интеллигенции¹?

---

* Carl Schmitt. Gespräch über die Macht und den Zugang zum Machthaber. Pfullingen: Neske, 1954.

© Филиппов А.Ф., 2007.

© Центр фундаментальной социологии, 2007.

¹ Полемическая отсылка к Альфреду Веберу и Карлу Мангейму.

К. Ш. Интеллигенция – не интеллигенция... Давайте не будем начинать с таких обобщений. Лучше попробуем сначала правильно увидеть историческое явление, всеми нами переживаемое и претерпеваемое. А результат себя покажет.

1.

М. Итак, мы говорим о власти, какую имеют люди над людьми. Но откуда же берётся та чудовищная власть, которой располагали над миллионами других людей, например, Сталин или Рузвельт, да назовите кого угодно?

К. Ш. Раньше на этот вопрос ответили бы так: власть происходит либо от природы, либо от Бога.

М. Боюсь, что сегодня нам уже не кажется, что власть имеет природное происхождение.

К. Ш. Да и я так думаю. Сегодня мы чувствуем свое превосходство по отношению к *природе*. Мы ее больше не боимся. А если она, как болезнь или природная катастрофа, становится нам неприятной, надеемся в скором времени ее победить. Человек – существо, по природе, слабое – властно возвысился над природой при помощи техники. Он сделал себя господином природы и всех земных существ. Граница (ы) которую ему в прежние времена чувствительно полагала природа, – будь то холод и жара, голод и лишения, дикие звери и опасности всякого рода, – эта природная грань явственно отступает от него.

М. Это правда. Нам уже не приходится бояться диких зверей.

К. Ш. Подвиги Геракла представляются нам довольно скромными, и если сегодня лев или волк забредут в современный большой город, это будет в крайнем случае затруднением для дорожного движения и не напугает даже ребенка. Человек до такой степени чувствует свое превосходство над природой, что даже позволяет себе создавать природоохранные парки.

М. А как обстоит дело с Богом?

К. Ш. Что касается *Бога*, то современный человек – я имею в виду типичного горожанина – точно так же чувствует, что Бог отступает или удаляется от нас. Сегодня при упоминании имени Бога человек с обычным образованием автоматически цитирует Ницше: «Бог мертв». Ну, а другие, те, кто лучше информирован, цитируют французского социалиста Прудона, еще за сорок лет до Ницше утверждавшего: «кто говорит о Боге, тот хочет обмануть».

М. Но если власть не происходит ни от природы, ни от Бога, то от кого же тогда?

К. Ш. Тогда остается, пожалуй, лишь одно: власть человека над другими людьми происходит от самого человека.

М. Вот и славно. Все мы – люди. И Сталин был человеком, и Рузвельт, назовите, кого угодно.

К. Ш. Это звучит действительно успокаивающе. Если власть одного человека над другими происходит от природы, тогда это либо власть родителя над своим выводком, либо – превосходство зубов, рогов, когтей, лап, ядовитых желез и другого естественного оружия. От власти родителя над выводком мы здесь, пожалуй, можем отвлечься. Тогда остается власть волка над ягненком. Человек, у которого есть власть, будет волком по отношению к человеку, у которого власти нет. У кого нет власти, чувствует себя как ягненок, пока сам не окажется в состоянии обладать властью и принять на себя роль волка. Говоря по латыни, *homo homini lupus*. По-русски – человек человеку волк.

М. Ужасно! А если власть происходит от Бога?

К. Ш. Тогда тот, кто ее осуществляет, – носитель божественного качества; он свою власть принимает в себя нечто божественное, и следовало бы почитать если не его самого, то хотя бы являемую в нем власть. Говоря по латыни, *homo homini Deus* – человек человеку Бог.

М. Ну, это уж чересчур!

К. Ш. Но если власть не происходит ни от природы, ни от Бога, тогда все, что относится к власти и ее исполнению, происходит лишь между людьми. Тогда мы, люди, суть всецело лишь промеж собою. И обладатели власти в отношении к безвластным, и могучие в отношении к бессильным суть целиком и полностью лишь люди в отношении людей.

М. Тогда вот так: Человек человеку человек.

К. Ш. А по латыни – *homo homini homo*².

2.

М. Ясно. Человек человеку – человек. Лишь потому, что находятся люди, которые повинуются другому человеку, они наделяют этого последнего властью. Если же они ему более не повинуются, власть прекращается сама собою.

К. Ш. Совершенно верно. Но почему они подчиняются? Ведь подчинение не произвольно, оно как-то мотивировано. Почему же люди соглашаются на власть [другого]? В одних случаях основанием тому служит доверие, в других – страх, иногда – надежда, порой – отчаяние. Но они всегда нуждаются в защите и защиты этой ищут у власти. Если идти от человека, связь защиты и повиновения остается единственным объяснением власти. Кто не имеет власти защитить кого-либо, не имеет также права требовать от него повиновения. И наоборот: кто ищет защиты и принимает защиту, тот не имеет права отказаться от повиновения.

М. Но если властитель прикажет нечто противоправное? Тогда ведь надо, пожалуй, отказаться от повиновения?

К. Ш. Разумеется! Однако я говорю не об отдельных противоправных приказах, но о некотором общем положении, когда обладатели власти и подвластные сопряжены в политическое единство. Здесь дело обстоит так, что тот, у кого власть, может непрерывно создавать действенные и отнюдь не всегда неморальные мотивы для подчинения: через гарантии защиты и безопасности существования, через воспитание и солидарные интересы по отношению к другим. Короче говоря, консенсус обеспечивает власть, это верно, но и власть обеспечивает консенсус, причем отнюдь не во всех случаях – консенсус неразумный или неморальный.

М. Что Вы этим хотите сказать?

К. Ш. Этим я хочу сказать, что власть, даже там, где она исполняется с полного согласия всех подвластных, имеет еще некое собственное значение, так сказать, «прибавочную ценность»³. Она есть нечто большее, чем сумма всех получаемых ею согласий, а также больше, чем их продукт. Подумайте только, сколь плотно в современном обществе, основанном на разделении труда, человек вплетен в социальные связи. Выше мы говорили, что природные границы отступают от него, но тем ближе и сильнее подступают к нему границы социальные. Оттого и мотивация соглашаться на власть становится все сильнее.

---

² В «Номосе Земли» Шмитт говорит, что у выражения «*homo hominis lupus*» долгая история. Он ссылается на испанского богослова Ф. де Витория, отвергавшего эту старую формулу, появляющуюся уже у Овидия и Плавта. Формулу «*homo homini Deus*», восходящую к «Естественной истории» Плиния, Витория тоже оспаривал, выдвигая свой собственный аргумент: «*homo homini homo*». Именно рассуждения Витория стали в этой части, судя по всему, одним из главных источников теоретического вдохновения Шмитта.

³ Mehrwert. По-русски этот термин в переводах трудов К. Маркса передается как «прибавочная стоимость».

Современный властитель имеет неизмеримо больше средств обеспечить консенсус в отношении своей власти, нежели Карл Великий или Барбаросса.

3.

М. Вы тем самым хотите сказать, что властитель в наши дни может делать, что хочет?

К. Ш. Отнюдь нет. Я только хочу сказать, что власть – это вполне самостоятельная величина, в том числе и по отношению к консенсусу, который ее создал. А теперь я хотел бы Вам показать, что она такова и по отношению к самому властителю. Власть есть объективная, самозаконная величина по отношению к каждому действующему индивиду, у которого она в руках.

М. Что значит здесь «объективная, самозаконная величина»?

К. Ш. Нечто вполне конкретное. Уясните себе, что даже самый ужасающий властитель все равно ограничен человеческой природой (Physis), недостаточностью человеческого рассудка и слабостью человеческой души⁴. Даже самый могущественный человек должен, как и все мы, есть и пить. Он станет больным и старым.

М. Но современная наука доставляет удивительные средства, чтобы преодолеть границы человеческой природы (Natur).

К. Ш. Конечно. Властитель может затребовать к себе самых знаменитых докторов и нобелевских лауреатов. Он может получить больше инъекций, чем кто-либо другой. И все же: предавшись трудам или порокам, через нескольких часов он утомляется и засыпает. Ужасный Каракалла, могучий Чингисхан лежит, словно малое дитя, да еще, быть может, и посапывает.

М. Вот какой образ всегда должен стоять перед глазами любого властителя!

К. Ш. Точно, и его часто и охотно живописали философы и моралисты, педагоги и риторы. Мы же не станем на этом задерживаться. Хочу только упомянуть, что англичанин Томас Гоббс, и по сей день самый современный из всех философов чисто человеческой власти, в конструкции государства исходит из этой всеобщей слабости каждого человеческого индивида. Конструкция Гоббса такова. Из слабости рождается угроза, из угрозы – страх, из страха – потребность в гарантиях безопасности, а уже отсюда – необходимость аппарата защиты с более или менее сложной организацией. Но, несмотря на все меры защиты, говорит Гоббс, в определенный момент каждый может убить каждого, слабый человек может оказаться в состоянии покончить с самым сильным и могущественным. В этом пункте люди действительно равны между собой, поскольку всем им угрожает опасность.

М. Слабое утешение.

К. Ш. Я, собственно, никого не хотел ни утешить, ни напугать, но собирался лишь дать объективную картину человеческой власти. Физическая угроза – это лишь самое грубое и даже не самое повседневное. Каждый человеческий индивид зажат в тесные рамки, и это дает еще один результат, рассмотрение которого тем более пригодно для демонстрации самого главного в нашей теме, а именно, объективной самозаконности всякой власти по отношению к самому властителю и неумолимой диалектики власти и безвластия, на которую обречен каждый человеческий властитель.

М. Что-то я не пойму, при чем здесь диалектика.

---

⁴ Отчетливая переключка с антропологией А. Гелена, только Гелен говорит о недостаточности (Mangelhaftigkeit) человека как об изначальном отсутствии в самой его конституции некоторых составляющих, необходимых для выживания живого существа в мире. Шмитт говорит о недостаточности (Unzulänglichkeit) как о нехватке ресурсов, которые со временем исчерпываются.

К. Ш. Увидим! Человеческий индивид, в руках которого на мгновение оказываются великие политические решения, может образовать свою волю лишь при данных предпосылках и данными средствами. Даже самый абсолютный монарх вынужден опираться на сообщения и донесения и зависит от своих советников. Несчетное множество известий и фактов, предложений и предположений наваливается на него день за днем, час за часом. Из этого бесконечного бушующего моря истины и лжи, действительного и возможного даже самый умный и могущественный человек может набрать в лучшем случае лишь несколько капель.

М. Здесь действительно можно видеть блеск и нищету абсолютного монарха.

К. Ш. Прежде всего, здесь можно увидеть внутреннюю диалектику человеческой власти. Кто докладывает властителю или сообщает ему информацию, тот уже имеет свою долю власти, все равно, будь он министр, уполномоченный визировать [документы], или же некто, умеющий косвенным образом склонить к себе слух властителя. Довольно того, что он сообщает впечатления и мотивы тому человеческому индивиду, в руках которого на мгновение оказывается решение. Так всякая прямая власть сразу же подвергает себя непрямым влияниям. Властители, которые чувствовали эту зависимость и впадали от этого в гнев и ярость, затем пытались получить информацию не у своих постоянных советчиков, а как-нибудь иначе.

М. Это оправдано, если принять во внимание коррупцию при дворах.

К. Ш. Конечно. Но, к сожалению, они тем самым только попадали в новые зависимости, часто гротескные. В конце концов Калиф Гарун аль Рашид, переодевшись простолюдином, заходил по ночам в харчевни Багдада, чтобы все-таки дознаться чистой правды. Я не знаю, что он выведал и чем напился из этого сомнительного источника. Фридрих Великий в старости стал настолько недоверчивым, что откровенно говорил лишь со своим камердинером Фредерсдорфом. Благодаря чему камердинер стал влиятельным человеком, впрочем, оставаясь верным и преданным.

М. Иные властители предпочитают шофера или любовницу.

К. Ш. Иначе говоря, есть пространство прямой власти. И есть образующееся вокруг него предпространство косвенных влияний и сил, «доступ к уху», «коридор, ведущий к душе властителя». Не бывает человеческой власти без такого предпространства и такого «коридора»⁵.

М. Однако же разумными учреждениями и конституционными определениями можно воспрепятствовать множественным злоупотреблениям.

К. Ш. Это можно делать и это должно делать. Но даже самый мудрый институт, самая хорошо продуманная организация не смогут полностью искоренить это предпространство, никакой приступ ярости против *camarilla* или *antichambre*⁶ не смогут устранить его окончательно. Самое предпространство обойти не удастся.

М. Мне оно кажется скорее «черным ходом».

К. Ш. *Antichambre*, черный ход, пространство вокруг, пространство ниже – существо дела очевидно и остается одним и тем же для диалектики человеческой власти. В любом случае в ходе мировой истории в этом предпространстве власти составлялось пестрое и смешанное общество. Здесь собираются «косвенные». Здесь мы встречаем министров и послов в

⁵ Шмитт использует термины, которые мы в переводе могли сохранить лишь в прямом, философски наиболее внятном значении: «пространство» и «предпространство». Однако здесь есть и второй смысл. «Raum» по-немецки может означать просто «комната», «помещение», а «Vorraum» – это «предбанник». Таким образом, картина власти приобретает вполне осязаемый вид: есть помещение начальника, есть место, где толпятся его секретари и помощники, отсюда и метафора «коридора»: коридоры власти выглядят как коридоры, идущие к слуху и душе.

⁶ Камарилья (исп.); передняя, прихожая (фр.).

роскошных мундирах, но также духовников и личных врачей, адъютантов и секретарш, камердинеров и любовниц. Здесь старый Фредерсдорф, камердинер Фридриха Великого, стоит подле благородной императрицы Августы, Распутин – рядом с кардиналом Ришелье, а серый кардинал – с какой-нибудь Мессалиной. Иногда в этом предпространстве находятся разумные и мудрые мужи, иногда – выдающиеся менеджеры или верные мажордомы, порой – глупые карьеристы и шарлатаны. Вдруг предпространство оказывается действительно официальной государственной палатой, в которой для доклада собираются достойные господа в ожидании, когда их пропустят дальше. Но частенько – это не более чем приватный кабинет.

М. Или даже больничная палата, в которой несколько друзей сидят у постели паралитика и управляют миром.

К. Ш. Чем больше власть концентрируется в определенном месте, у определенного человека или группы людей как на верхушке, тем больше обостряется проблема «коридора» и доступа к этой верхушке. И тем яростнее, отчаяннее и молчаливее становится тогда борьба меж теми, кто оккупировал предпространство и контролирует «коридор». Эта борьба в тумане не прямых влияний столь же неизбежна, сколь и сущностна для любой человеческой власти. В ней совершается внутренняя диалектика человеческой власти.

М. Но разве все это – не одни только извращения режима личной власти?

К. Ш. Нет. Процесс образования коридора, о котором мы тут говорим, совершается ежедневно, минимальными, бесконечно-малыми начинаниями, повсюду, где люди исполняют власть над другими людьми, будь то в великом или малом. В той же мере, в какой смыкается пространство власти, организуется и предпространство этой власти. Каждое усиление прямой власти сгущает и уплотняет марево (Dunstkreis) не прямых влияний.

М. Может быть даже и хорошо, когда с властителем что-то неладно. Я пока не разберусь, что тут лучше, прямая власть или косвенная.

К. Ш. Косвенное я рассматриваю здесь только как стадию неизбежного диалектического развития человеческой власти. Сам властитель становится тем более изолированным, чем больше прямая власть концентрируется в его индивидуальном лице. «Коридор» словно бы отрывает его от почвы и возносит в стратосферу, где для него достижимы теперь только те, кто косвенным образом господствует над ним, тогда как все прочие люди, над которыми он исполняет власть, для него уже не достижимы, и он для них более недостижим. В крайних случаях это приобретает явно гротескный характер. Но таково лишь предельное выражение изоляции властителя, осуществляемое неизбежным аппаратом власти. Эта внутренняя логика осуществляется через бесчисленное множество начинаний повседневной жизни, в постоянном преобразовании прямой власти и непрямого влияния. Нет такой человеческой власти, которая бы избежала этой диалектики самоутверждения и самоочуждения⁷.

ИНТЕРМЕЦЦО: БИСМАРК И МАРКИЗ ПОЗА

Борьба вокруг «коридора», вокруг доступа к верхушке власти является особо интенсивной борьбой за власть, через которую совершается внутренняя диалектика человеческой власти и безвластия. Это обстоятельство мы должны уяснить себе в его исторической действительности прежде всего без риторики и сентиментальности, но и без цинизма и нигилизма. Поэтому я бы хотел продемонстрировать проблему еще на двух примерах.

⁷ Следует обратить внимание на любопытный термин «самоочуждение» («Selbstverfremdung»). Речь идет, как видно, не об *отчуждении* (Entfremdung), но о том знаменитом «остраннении» – «остранении» – «очуждении», которое было предметом дискуссий еще в 20-е гг., а в 50-е стало широко известным благодаря теоретическим работам Б. Брехта.

Первый пример – это документ, относящийся к истории конституций – прошение об отставке, поданное Бисмарком в марте 1890 г. Оно опубликовано и подробно рассматривается в третьем томе «Мыслей и воспоминаний» Бисмарка. Этот документ во всем – в структуре, в ходе рассуждений, в тональности, в том, что в нем высказано, и в том, о чем он умалчивает, – представляет собой хорошо продуманное творение великого мастера государственного искусства. Подача прошения была последним официальным поступком Бисмарка, оно вполне сознательно спланировано и стилизовано в качестве документа, предназначенного для потомков. Старый опытный рейхсканцлер, творец рейха, вступает в спор с неопытным наследником, молодым королем и кайзером Вильгельмом II. Между ними было много деловых противоречий и расхождений во мнениях по вопросам внутренней и внешней политики. Но сердцевина прошения об отставке, его основной пункт есть нечто сугубо формальное: спор по вопросу о том, каким образом дозволительно получать информацию канцлеру и как должно получать ее королю и кайзеру. Бисмарк притязает здесь на полную свободу для себя в том, с кем он вправе беседовать и кого принимать в своем доме в качестве гостя. Однако за королем и кайзером он отрицает право заслушивать доклад какого-либо министра, если при этом не присутствует Бисмарк, министр-президент. Проблема доклада у короля есть ключевая проблема всякой монархии вообще, потому что это проблема доступа к верхушке. Даже барон Штейн⁸ изнемог в борьбе против тайных совещаний Кабинета (Kabinettsräte). Старая, вечная проблема доступа к верхушке не могла не привести к крушению даже Бисмарка.

Второй пример мы берем у Шиллера в его драме в стихах «Дон Карлос». Здесь великий драматург демонстрирует свое понимание существа власти. Действие драмы сосредоточено вокруг вопроса о том, кто имеет непосредственный доступ к королю, абсолютному монарху Филиппу II. Кто имеет непосредственный доступ к королю, причастен к его власти. Прежде духовник и генерал, герцог Альба оккупировали предпространство власти и блокировали доступ к королю. Теперь появляется третий, маркиз Поза, и двое других тотчас распознают опасность. В конце третьего акта драма достигает высшей точки напряжения, в последней сцене король приказывает: дворянина – то есть маркиза Позу – впредь допускать к нему сей же час. Это оказывает огромный драматический эффект не только на зрителей, но и на всех персонажей драмы. «Это действительно много, – говорит дон Карлос, когда узнает о решении короля, – много, действительно много»; а Доминго, духовник, шепчет герцогу Альбе: «Наши времена миновали». После этой кульминационной точки происходит внезапный поворот к трагическому, перипетия величественной драмы. За то, что ему удалось найти непосредственный доступ к властителю, маркиза Позу настигает смертельный выстрел. Что бы он, в свою очередь, сделал с герцогом Альбой и духовником, если бы ему удалось утвердить свое положение подле короля, мы не знаем.

4.

К. Ш. Какими бы впечатляющими ни были эти примеры, не забывайте, господин М., что все это занимает нас лишь в определенной связи, а именно, как момент внутренней диалектики человеческой власти. Есть еще много других вопросов, которые мы могли бы рассмотреть подобным же образом, например, бездонной глубины проблему *наследования* власти династической, демократической или харизматической. Но пожалуй, уже должно быть ясно, что мы понимаем под этой диалектикой.

М. Я вижу здесь только блеск и нищету человека; Вы же говорите лишь о внутренней диалектике, поэтому я бы теперь хотел задать совсем простой вопрос: если власть, исполняемая человеком, происходит не от Бога и не от природы, но является внутренним делом человека, добро она тогда или зло? Или что-то еще?

---

⁸ Генрих Фридрих Карл, барон фом унд цум Штейн (1757-1831) – прусский государственный деятель, известный реформатор и организатор борьбы против Наполеона.

К. Ш. Это вопрос более опасный, чем Вы, возможно, думаете. Ведь большинство людей с полнейшей уверенностью ответят: власть – добро, когда она у *меня*, и власть – зло, когда она у моего врага.

М. Лучше скажем так: Власть сама по себе не есть ни добро, ни зло; сама по себе она нейтральна; она есть то, что делает из нее человек: в руках доброго человека – добро, в руках злого – зло.

К. Ш. А кто в конкретном случае решает, добр человек или зол? Сам властитель или кто-то другой? Что некто имеет власть, означает прежде всего, что решает он сам. Это входит в его власть. Если же решает другой, то власть имеет, или, по крайней мере, притязает на нее, именно этот другой.

М. Тогда власть, видимо, сама по себе нейтральна.

К. Ш. Кто верит во всемогущего доброго Бога, не может объявить власть злой и даже нейтральной. Апостол христианства святой Павел, как известно, говорит в Послании к Римлянам: «Всякая власть от Бога». Святой папа Григорий Великий (он – архетипическая фигура папы – пастыря народов), высказывается об этом с большой ясностью и решительностью. Вот послушайте, *что он говорит:*

Бог есть высшая власть и высшее бытие. Всякая власть от Него, и есть, и пребывает в своем существе божественной и благой. Если бы у дьявола была власть, то и эта власть, именно поскольку она власть, божественна и блага. Лишь воля дьявола является злой. Но несмотря даже и на эту всегда злую, дьявольскую волю, власть сама по себе остается божественной и благой.

Так говорит великий святой Григорий: Только *воля* к власти есть зло, сама же власть всегда есть добро.

М. Просто невероятно! Тогда уж мне понятнее Якоб Буркхардт, который, как известно, сказал: «Власть сама по себе есть зло».

К. Ш. Давайте рассмотрим немного подробнее это знаменитое изречение Буркхардта. Ключевое место в его «Размышлениях о всемирной истории» выглядит так:

И тут оказывается – вспомните о Людовике XIV, о Наполеоне, о революционных народных правительствах, – что власть сама по себе есть зло (Шлоссер), что без оглядки на какую-либо религию то самое право эгоизма, которое отрицают за индивидом, признают за государством.

Имя Шлоссера, то ли в качестве примера, то в качестве ссылки на авторитет добавил издатель «Размышлений» племянник Буркхардта Якоб Эри.

М. Да ведь Шлоссер – это шурин Гете.

К. Ш. Нет, того звали Йоганн Георг Шлоссер. Здесь же имеется в виду Фридрих Кристоф Шлоссер, автор человеколюбивого сочинения о всемирной истории, которого в своих лекциях охотно цитировал Буркхардт. Однако они оба, да хотя бы и все трое: Якоб Буркхардт и оба Шлоссера вместе взятые, – ни в коей мере не могут равняться с Григорием Великим.

М. Но, в конце-то концов, мы ведь живем не в эпоху раннего Средневековья! Я уверен, что сегодня большинству людей гораздо понятнее Буркхардт, чем Григорий Великий.

К. Ш. Очевидно, что со времени Григория Великого должно было перемениться нечто существенное в отношении власти. Ведь и во времена Григория Великого случались войны и всякие ужасы. С другой стороны, те властители, которые, по Буркхардту, особенно показательны для демонстрации того, что власть есть зло: Людовик XIV, Наполеон и французские революционные правительства, – это правители уже достаточно современные.

М. Да ведь у них же еще и моторов-то не было! Атомные и водородные бомбы им и *привидеться не могли!*

К. Ш. Шлоссера и Буркхардта мы можем считать хоть и не святыми, но благочестивыми людьми, которые не стали бы легкомысленно высказываться на сей счет.

М. Но как же это возможно, что благочестивый человек VII века считает власть добром, тогда как благочестивые люди XIX и XX веков считают ее злом? Что-то существенное должно было измениться.

К. Ш. Я думаю, в прошлом веке сущность человеческой власти предстала нам совершенно особенным образом неприкрытой. Примечательно, что тезис о злой власти распространяется именно начиная с XIX века. Мы-то ведь думали, что если власть не происходит ни от Бога, ни от природы, но представляет собой нечто такое, о чем люди условливаются между собой, то проблема власти будет решена или же лишена своей остроты. Чего же еще бояться человеку, если Бог мертв, а волком не напугать даже ребенка? Но именно с того времени, как это очеловечивание власти, видимо, завершилось, то есть со времени Французской революции неотвратно все более распространенным становится убеждение, что власть сама по себе есть зло. Выражение «Бог мертв» и выражение «Власть сама по себе есть зло» возникают в одно время и в одной ситуации. И означают они, по сути, одно и то же.

5.

М. Но здесь требовалось бы еще кое-что разъяснить.

К. Ш. Чтобы правильно понять существо человеческой власти, каким оно в неприкрытом виде предстает нам в нашем нынешнем положении, нам лучше всего обратиться к одному отношению, которое обнаружил упомянутый и все еще остающийся современным философом чисто человеческой власти англичанин Томас Гоббс. Он самым точным образом определил и охарактеризовал это отношение и, следуя ему, мы назовем его «гоббсовским отношением опасности». Гоббс говорит: «Человек для всех прочих людей, о которых он думает, что они для него опасны, настолько же более опасен, чем опасен для них любой зверь, насколько более опасно его оружие, чем оружие любого зверя». Это ясное и определенное отношение.

М. Уже Освальд Шпенглер говорил, что человек – это хищный зверь.

К. Ш. Прошу прощения! Отношение опасности, которое описывает Томас Гоббс, не имеет совершенно ничего общего с тезисом Освальда Шпенглера. Напротив, Гоббс предполагает, что человек *не* является зверем, но есть нечто иное, с одной стороны, – меньшее, с другой, – много большее. Человек в состоянии в невероятной степени и чудовищным образом компенсировать, сверхкомпенсировать свою биологическую слабость и недостаточность техническими изобретениями. А теперь – внимание! Около 1650 года, когда Гоббс охарактеризовал это отношение мер, оружием человека были лук и стрелы, топор и меч, ружья и пушки – уже достаточно опасные и превосходившие когти льва и зубы волка. Однако в наши дни опасность технических средств возросла безгранично. Соответственно возросла и опасность человека по отношению к другому человеку. А в силу этого растет, не ведая пределов, и приводит к совершенно новой постановке вопроса о самом понятии человека различие между властью и безвластием.

М. Этого я не улавливаю.

К. Ш. Слушайте. Кто же такой здесь, собственно, человек? Тот, кто производит и применяет эти современные средства уничтожения, или же тот, против кого они применяются? Если сказать: власть, как и техника, сама по себе не есть ни добро, ни зло, она нейтральна, а потому она есть то, что делает с ней человек, – это не сдвинет нас дальше ни на шаг. Это

было бы просто уклонение от самого сложного вопроса, кто здесь принимает решение о добре и зле. Власть современных средств уничтожения настолько же превышает силы человеческих индивидов, которые изобретают и применяют эти средства, насколько возможности современных машин и процессов превышают силы человеческих мускулов и мозга. В этой стратосфере, в этой области ультразвука⁹ добрая или злая человеческая воля вообще уже не присутствует. Человеческая рука, держащая атомную бомбу, человеческий мозг, иннервирующий мускулы этой человеческой руки, в решающее мгновение оказывается не столько членом отдельного человеческого индивида, сколько протезом, частью технической и социальной аппаратуры, производящей и применяющей атомную бомбу. Тут уже власть индивидуального властителя предстает всего лишь болезненным выпотом – дает о себе знать ситуация, возникающая в системе чрезмерного, не поддающегося расчетам разделения труда.

М. Но разве это не грандиозно – сегодня мы вторгаемся в стратосферу, область ультразвука, космическое пространство, у нас есть машины, вычисляющие быстрее и лучше, чем любой человеческий мозг?

К. Ш. В этом-то «мы» и заключен вопрос. Ведь все это делает не человек как человек, а запущенная им цепная реакция. Выходя за пределы человеческой *physis*, она трансцендирует и любую межчеловеческую меру всякой мыслимой власти человека над человеком. Она опережает отношение защиты и повиновения. Власть куда более, нежели техника, ускользает из рук человека, и люди, которые осуществляют власть над другими при помощи таких технических средств, больше уже не свои среди тех, кто подчинен их власти.

М. Но те, кто изобретают и производят современные средства уничтожения, ведь тоже только люди.

К. Ш. Также и по отношению к ним власть, которой они добиваются, есть величина объективная и самозаконная, бесконечно превышающая небольшие физические, интеллектуальные и духовные мощности отдельного изобретателя. Изобретая эти средства уничтожения, они одновременно, не сознавая того, работают над возникновением нового Левиафана. Современное, всецело хорошо организованное европейское государство XVI и XVII веков было искусственным техническим продуктом, оно было сверх-человеком, который был создан человеком и составлен из людей, а в образе Левиафана – огромного человека, *μάκρος, άνθροπος* противостоял своей превосходящей мощью и властью производившим его маленьким людям, отдельному индивиду, *μικρος άνθροπος*. В этом смысле хорошо функционирующее европейское государство Нового времени было первой современной машиной и одновременно конкретной предпосылкой всех других технических машин. Оно было машиной машин, *machina machinarum*, составленным из людей сверх-человеком, который возникает благодаря человеческому консенсусу и, однако же, в тот миг, когда он только появляется, тут же превосходит любой человеческий консенсус. Именно потому, что речь идет об организованной людьми власти, Буркхард и считает это злом как таковым. Поэтому в своем знаменитом изречении он отсылает не к Нерону и не к Чингисхану, но к типичным современным европейским властителям: Людовику XIV, Наполеону и революционным народным правительствам.

М. Быть может, последующие научные изобретения изменят все это и приведут в порядок.

К. Ш. Хорошо бы. Но как же изменить то, что в наши дни власть и безвластие уже не противостоят лицом к лицу и не видимы [в отношениях] человека к человеку? Человеческие массы, которые безвластно (*machtlos*) подвержены действию современных средств уничтожения, прежде всего знают о своем бессилии (*ohnmächtig sind*). Действительность власти проходит мимо действительности человека.

---

⁹ Судя по всему, здесь и ниже Шмитт путает ультразвук (*Ultraschall*) и сверхзвук (*Überschall*).

Я не говорю, что власть человека над человеком есть добро. Я не говорю также, что она есть зло. И уж тем более я не говорю, что она нейтральна. Как мыслящий человек я постыдился бы говорить, что она есть добро, когда я имею ее, и она есть зло, когда ее имеет мой враг. Я только говорю, что она есть самостоятельная действительность, в том числе и по отношению к властителю, она втягивает его в эту диалектику. Власть сильнее, чем всякая воля к власти, сильнее, чем всякая доброта человека и, к счастью, сильнее также, чем всякая людская злоба.

М. Ну, конечно, успокаивает, что власть как объективная величина должна быть сильнее всякой злобы людей, осуществляющих власть; с другой стороны, все же неудовлетворительно, что она также должна быть сильнее доброты людей. Для меня это недостаточно позитивно. Надеюсь, Вы не макиавеллист?

К. Ш. Вот уж точно нет. Впрочем, и Макиавелли не был макиавеллистом.

М. Это звучит слишком парадоксально.

К. Ш. Я нахожу это весьма простым. Если бы Макиавелли был макиавеллистом, он бы точно не стал писать книг, которые выставляют его в дурном свете. Он бы публиковал благочестивые и назидательные книги, всего лучше – «Анти-Макиавелли»¹⁰.

М. Это, конечно, было бы хитрее. Но должна же быть практическая польза от Ваших воззрений. Что же нам делать?

К. Ш. Что делать? Вы помните начало нашего разговора? Вы тогда поставили передо мной вопрос, есть ли у меня власть или никакой власти нет. Теперь я могу обратить острие против вас и спросить: «Есть у Вас власть или нет?»

М. Кажется, Вы хотите уклониться от ответа на мой вопрос о практической пользе.

К. Ш. Напротив, я только хотел получить возможность для осмысленного ответа на Ваш вопрос. Если кто-то в связи с властью задает вопрос о практической пользе, есть все-таки разница, имеет он власть сам или нет.

М. Конечно. Однако Вы все время говорите, что власть есть нечто объективное, она сильнее, чем всякий человек, ее употребляющий. Но тогда должны быть приведены какие-то примеры практического применения.

К. Ш. Таких примеров – бесчисленное множество, как для того, у кого есть власть, так и для того, у кого ее нет. Большим успехом было бы уже одно то, если бы действительная власть публично и зримо явилась на политической сцене. Властителю, например, я бы рекомендовал никогда не появляться на публике, не будучи одетым в министерское или иное соответствующее платье. Безвластному я бы сказал: не думай, что ты хорош уже потому, что не имеешь власти. А если он страдает оттого, что не имеет власти, я напомнил бы ему, что воля к власти столь же саморазрушительна, как и воля к наслаждению или другим вещам, вкус которых обещает большее. Членам законодательного или совещательного конституционного собрания я бы настоятельнейшим образом говорил о проблеме доступа к верхушке, чтобы не думали, будто могут организовать правительство своей страны по какой-нибудь схеме как давно и хорошо всем известную работенку. Короче говоря, Вы видите, что практических применений очень много.

М. Но человек! Где же остается человек?

К. Ш. Все, что думает или делает человек, – с властью или без власти, – проходит через коридор человеческого сознания и других индивидуально-человеческих способностей.

М. Но тогда – человек человеку человек?

---

¹⁰ В действительности книга «Анти-Макиавелли» была написана принцем Фридрихом, будущим прусским королем Фридрихом Великим.

К. Ш. И это тоже. Но только, конечно, очень конкретно. Например, это означает: человек Сталин человеку Троцкому – Сталин, а человек Троцкий человеку Сталину – Троцкий.

М. И это – Ваше последнее слово?

К. Ш. Нет. Я только хотел сказать Вам, что красивая формула «Человек человеку человек», «homo homini homo» – не решение, но лишь начало наших проблем. Я думаю об этом критически, но в совершенно утвердительном смысле, как сказано в величественных стихах:

Но быть человеком – всегда остается решеньем.

Это и будет моим последним словом.

Перевод с немецкого и примечания А. Ф. Филиппова